

Он остановил карету у берега Великой реки, дал Цзи Цзюэ грелку, укрыл его одеялом, а сам побежал к реке, пробил лед и выловил рыбу.

На песке быстро соорудили костер, и аромат жареной рыбы наполнил воздух.

— Ни деревни, ни дома впереди, без матери я не смогу встретить хороший Новый год, — вздохнул Цянь Эрлан.

Цзи Цзюэ сидел в карете, но все равно чувствовал, как холод проникает в кости. Он добавил еще один слой одежды и с удивлением спросил:

— Новый год?

Цянь Эрлан вдруг вспомнил, что Цзи Цзюэ был сиротой, и замолчал.

— Я однажды встречал хороший Новый год, — добавил Цзи Цзюэ.

Цянь Эрлан, зная историю Цзи Цзюэ, понимал, что даже в Новый год тот сталкивался с холодным очагом и пустыми котлами. Какой же это был хороший Новый год?

Он решил, что Цзи Цзюэ просто утешает себя этими словами, и, не желая разочаровывать его, замолчал, считая это проявлением доброты.

Один сидел в карете, кашляя кровью, а другой слонялся снаружи без дела, но в целом обстановка была мирной.

Пока на другом берегу реки не появились десятки черных точек.

Великая река не только пересекала весь Цинчжоу, но и протекала через всю страну, широкая и бескрайняя.

Даже великий клан Чжэн говорил, что река Цзянчао — это не река семьи Цзян, а река, которая дарует благодать всему существу, река, которая орошает все живое, и потому она называется Великой рекой.

Хотя во время прилива берега реки были неразличимы, сейчас, зимой, вода была низкой, и Цянь Эрлан мог разглядеть, что на другом берегу тоже кто-то шел.

Его зрение было отличным, и, прикрыв глаза рукой, он увидел, что на южном берегу двигался караван из нескольких десятков человек.

— Ох, какая помпезность, — пробормотал он и вернулся к своей рыбе.

Съев половину, он вдруг вспомнил, что Цзи Цзюэ был с ним. В карете не было слышно никаких звуков, скорее всего, он устал.

С чувством вины он приоткрыл занавеску, чтобы холодный ветер не проник внутрь и не навредил больному, увидел, что тот лежит на мягкой подушке, все еще дышит, и снова закрыл занавеску.

Он снова пошел к реке, поймал еще одну рыбу и вздрогнул от ледяной воды.

— Это все из-за того каравана, я совсем забыл о главном, — бросил он в костер несколько сухих веток, которые припас заранее.

— Вот я, деревенщина! — с досадой сказал он.

Новогодняя атмосфера в столице наступала раньше, чем в других местах.

Цзян Юань наблюдал, как служанка Цзинь Инь, сидя под крышей, резала бумажные узоры, глядя на снег.

Возможно, воробьи, прыгающие по снежным веткам, были слишком красивы, и она на мгновение отвлеклась.

Цзян Юань стоял за ней и сказал:

— Цзинь Инь, ты ошиблась в одном месте.

Цзинь Инь услышала слова Цзян Юаня, но не встала и не ответила пятому принцу.

Она была служанкой, подаренной покойной императрицей, и пользовалась определенным уважением, так что принц не стал бы придирается.

А что касается ошибки в узоре? Принц был благороден, знал литературу и боевые искусства, но искусство вырезания узоров было ему чуждо.

Цзян Юань действительно не рассердился, он просто стоял рядом и продолжал наблюдать за тем, как Цзинь Инь вырезает узоры.

Это было довольно интересное занятие.

Цзинь Инь, видя, что принц не уходит, не решалась больше смотреть на воробьев в снегу, но и не могла смотреть на прекрасное лицо Цзян Юаня, поэтому сосредоточилась на красной бумаге, быстро вырезая узоры.

— Закончила? — с улыбкой спросил Цзян Юань.

— Да, ваше высочество, я закончила, — сказала Цзинь Инь, развернув узор.

Затем она посмотрела на него и широко раскрыла глаза.

Узор был изящным и сложным, но в одном месте была ошибка, хотя этот разрез не бросался в глаза.

— Ваше высочество, как вы узнали... — в замешательстве спросила Цзинь Инь.

Цзян Юань улыбнулся:

— Я немного учился, вырезал несколько узоров.

Эти слова не только не прояснили ситуацию, но и вызвали еще больше вопросов у Цзинь Инь.

Она с детства была рядом с принцем, где и когда он мог научиться вырезать узоры?

Неужели принц приглашал учителей, отослав всех, чтобы научиться вырезать узоры?

Цзинь Инь сама рассмеялась над этой мыслью.

В воздухе появился слабый аромат.

Цзинь Инь на мгновение замерла, а затем с улыбкой сказала:

— Ах, я же готовила вам суп, совсем забыла!

Она поспешно, с шумом убежала.

Цзян Юань вышел из тени крыши, чувствуя, как снежинки падают на его плечи.

Он действительно вырезал узоры, в тот год, когда жил с Призрачным Лекарем на горе Юнь.

Тогда он даже не вернулся во дворец на государственный банкет, а провел ночь в беседах с Призрачным Лекарем.

Замерзшая кисть, новая поэзия, лень писать, теплый винный котел.

Вино с горы Юнь было очень вкусным.

Они сидели вместе и вырезали узоры.

Они несколько дней не могли понять, как это делать, и закончили вырезать только в канун Нового года.

Он впервые сам приготовил клейстер и приклеил узоры на оконные рамы.

Затем они снова сели вместе и съели пельмени.

Цзян Юань помнил, что начинка пельменей была из какой-то травы, он не мог вспомнить ее названия, только знал, что она была морозостойкой, и он почувствовал себя собирателем трав в снегу.

Они съели пельмени, вышли за деревянную дверь и запустили петарды, прикрывая друг другу уши.

Это было не очень шумно, ведь на огромной горе Юнь было только двое.

После петард они сидели у костра, ожидая Нового года. На следующий день печь остыла, и они проснулись от холода.

За дверью лежал снег, а на снегу ярко выделялись красные обрывки петард.

Это был самый скромный Новый год в жизни Цзян Юаня.

Но это был и самый счастливый Новый год в его жизни.

До Нового года оставалось восемнадцать дней, а Цзи Цзюэ и Цянь Эрлан все еще были в пути, в глуши.

Скалы вздымались на тысячи футов, дорога была труднопроходимой. Горная тропа была узкой и извилистой, и карета не могла проехать.

Цзи Цзюэ дышал с трудом, кашлял через каждые несколько шагов, что сильно замедляло их продвижение.

Цянь Эрлан одной рукой нес багаж, а другой держал карту. Он шел легко, словно их вещи были

легче перышка.

— Господин, вы не справляетесь, — подшутил Цянь Эрлан.

Вокруг никого не было, и его тон стал немного насмешливым.

Цзи Цзюэ не обращал на него внимания.

Цянь Эрлан, чувствуя себя неловко, решил, что Цзи Цзюэ был как кусок льда в Великой реке, скучный и неинтересный.

Горная тропа была крутой, и с высоты видна была Великая река.

После сильных морозов река замерзла на три фута.

Цянь Эрлан посмотрел на карту и сказал:

— После этой горы будет равнина, и дорога станет легче.

— Мы приближаемся к Фэнчжоу? — спросил Цзи Цзюэ.

— Мы идем почти два месяца, пора бы уже добраться до Фэнчжоу. Сегодня мы сможем переночевать за пределами Фэнчжоу... как только мы спустимся, ворота закроются.

Цзи Цзюэ кивнул, привыкнув к таким ситуациям.

— Вам тоже нелегко, с таким здоровьем, выдержите ли вы? Я бы сказал, вам лучше остаться в Цинчжоу, хоть и трудно, но спокойно. Столица, конечно, хороша, но это болото, где можно легко потерять жизнь, и никто даже не заплачет по вам...

— Похоже, ты сам хочешь в столицу, — сказал Цзи Цзюэ.

— Думаешь, я сам хочу? Я ли решаю...

— Жалуешься? — взглянул на него Цзи Цзюэ.

— Нет-нет, я просто так говорю, — засмеялся Цянь Эрлан.

Солнце склонилось к западу, и они как раз спускались с горы, когда небо загорелось красным закатом.

Вдалеке послышался вечерний барабан.

— Ворота закрываются, — вздохнул Цянь Эрлан.

— Мы остановимся здесь, — указал Цзи Цзюэ на карту.

— Храм горного бога? — Цянь Эрлан взял багаж. — Пошли.

Храм горного бога был не слишком разрушен, но на нем лежал тонкий слой пыли, видимо, в последнее время горожанам было не до уборки.

Цянь Эрлан сначала поклонился, а затем начал готовить постель.

Цзи Цзюэ подмел пыль в разных местах и разжег костер на открытом пространстве.

— Ложимся спать, — сказал Цянь Эрлан.

Едва он произнес эти слова, как они услышали шаги за пределами храма.

Шесть человек... Цзи Цзюэ и Цянь Эрлан переглянулись.

Подняв голову, они увидели, как дверь храма со скрипом открылась.

Молодой человек, одетый как слуга, вошел с черным флагом и обернулся:

— Господин, прошу.

Цянь Эрлан внимательно посмотрел и увидел, что на флаге было написано «Экзамен Министерства ритуалов», и понял, что Цзи Цзюэ встретил своего коллегу по экзамену.

Дверь храма распахнулась, и холодный ветер ворвался внутрь, мгновенно погасив костер.

Цянь Эрлан и Цзи Цзюэ поменялись местами, чтобы защититься от ветра, и Цянь Эрлан добавил Цзи Цзюэ одеяло, но все равно услышал кашель.

Цянь Эрлан нахмурился и зажег огниво.

Тот, кто сдавал экзамен по указу, наконец вошел, в роскошной одежде и высокой шапке, с огромной жемчужиной на макушке, которая блестела в свете огня.

В такой холод он держал в руках веер. Он посмотрел на Цянь Эрлана и слегка помахал веером.

Теперь Цянь Эрлан увидел, что веер был из сандалового дерева.

<http://bllate.org/book/16201/1453959>